

УДК 343.4

<https://doi.org/10.25587/2587-5612-2026-2-21-36>

Оригинальная научная статья

**О правомерности наделения аппарата Уполномоченных
в Республике Саха (Якутия) полномочием составлять протоколы
об административном правонарушении
(пункт 11 части 2 статьи 15.2. Кодекса Республики Саха (Якутия)
об административных правонарушениях)**

З.И. Корякина

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация
✉ Z_koryakina@mail.ru

Аннотация. Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного в рамках научно-исследовательской работы «Научно-правовое сопровождение законопроектной деятельности Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)» по заказу Аппарата Государственного Собрания (Ил Тумэн) (договор №71м/25 от «08» октября 2025 г., 1 этап). Рассматриваются дискуссионные вопросы о правомерности наделения аппарата уполномоченных правом составлять протоколы об административном правонарушении, закрепленного в региональных законах об административных правонарушениях. На фоне модели федерального законодательства, установленной за аналогичные деяния, такой региональный подход вызывает ряд спорных моментов, требующих научно-практического анализа. В этой связи в статье изложены итоги анализа доктринальных мнений о пределах участия института уполномоченных в административно-правовой юрисдикции, приведены нормативно-правовые примеры для сравнительного изучения. Также обращается внимание на историко и политико-правовые аспекты учреждения института уполномоченных, прежде всего как представителей «мягкой силы» и «внеюрисдикционной системы».

Ключевые слова. Уполномоченный по правам человека, уполномоченный по правам ребенка, уполномоченный по правам КМНС, уполномоченный по правам предпринимателей, административное правонарушение, кодекс, административный протокол, административное преследование, возбуждение дела об административном правонарушении.

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки.

Для цитирования: Корякина З.И. О правомерности наделения аппарата Уполномоченных в Республике Саха (Якутия) полномочием составлять протоколы об административном правонарушении (пункт 11 части 2 статьи 15.2. Кодекса Республики Саха (Якутия) об административных правонарушениях). *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science».* 2026, № 2(42): С. 21-36. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-2-21-36

Original article

**On the legality of vesting the office of the Commissioner
in the Republic of Sakha (Yakutia) with the authority to draw
up reports on administrative offenses
(clause 11 of part 2 of article 15.2 of the Code
of the Republic of Sakha (Yakutia) on administrative offenses)**

Zinaida I. Koryakina

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation
✉ Z_koryakina@mail.ru

Abstract. This article is based on the results of a study conducted as part of the research project «Scientific and Legal Support for Legislative Activity of the State Assembly (Il Tumen) of the Republic

of Sakha (Yakutia)» commissioned by the Office of the State Assembly (II Tumen) (contract No. 71m/25 dated October 8, 2025, stage 1). This article examines the controversial issues surrounding the legality of granting the Office of the Commissioner the authority to draw up administrative offense reports, as enshrined in regional laws on administrative offenses. Compared to the federal legislation established for similar circumstances, this regional approach raises a number of controversial issues requiring scientific and practical analysis. In this regard, the article presents the results of an analysis of doctrinal opinions regarding the limits of the institution of commissioners' participation in administrative-legal jurisdiction and provides legal examples for comparative study. Attention is also drawn to the historical and political-legal aspects of the establishment of the institution of commissioners, primarily as representatives of «soft power» and a «non-jurisdictional system».

Keywords. Human Rights Commissioner, Children's Rights Commissioner, Indigenous Minorities of the North Rights Commissioner, Entrepreneurs' Rights Commissioner, administrative offence, code, administrative protocol, administrative prosecution, initiation of administrative offence proceedings.

Funding. No funding was received for writing this manuscript.

For citation . *Zinaida I. Koryakina . On the legality of vesting the Office of the Commissioners in the Republic of Sakha (Yakutia) with the authority to draw up protocols on administrative offenses (clause 11 of part 2 of article 15.2 of the Code of the Republic of Sakha (Yakutia) on administrative offenses). Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Vestnik of North-Eastern Federal University. Серия «Общественные науки. Social science». 2026, № 2(42): P. 21-36. DOI: 10.25587/2587-5612-2026-2-21-36*

Введение. Введенная в Кодекс об административных правонарушениях Республики Саха (Якутия) статья 13.11 в целом воспроизводит модель статей 17.2, 17.2.1, 17.2.2 КоАП РФ (ответственность за воспрепятствование деятельности федеральных уполномоченных), но создает проблемное регулирование в связи с включением аппарата Уполномоченного по правам человека в административно-юрисдикционную сферу.

Так, пункт 11 части 2 статьи 15.2 КоАП РС (Я) указывает должностных лиц аппарата (других его форм обеспечения деятельности) региональных уполномоченных как субъектов административно-правовой юрисдикции, наделив их полномочием составлять протоколы об административном правонарушении. Основанием этих правонарушений является: – вмешательство в деятельность Уполномоченного по правам человека в Республике Саха (Якутия), Уполномоченного по правам ребенка в Республике Саха (Якутия), Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Республике Саха (Якутия), Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия) с целью повлиять на их решения; – неисполнение законных требований Уполномоченного по правам человека в Республике Саха (Якутия), Уполномоченного по правам ребенка в Республике Саха (Якутия), Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Республике Саха (Якутия), Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия) либо воспрепятствование их деятельности в иной форме.

Следует отметить, что федеральное законодательство об Уполномоченных, также как и административное законодательство не предусматривает таких компетенций для их аппарата. КоАП РФ устанавливает исчерпывающий (не открытый) перечень органов и должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы о совершении административных правонарушений и рассматривать дела (в главе 23 и статье 28.3 КоАП РФ). В данном перечне нет аппарата уполномоченных, Уполномоченный может лишь обращаться в соответствующие органы и суды с материалами для возбуждения производства, не подменяя их компетенцию. В соответствии с федеральным законодательством за аналогичные деяния производство по административным делам ведется в мировых судах, а протоколы по статьям 17.2., 17.2.1., 17.2.2. КоАП РФ составляются на основании статьи 28.3 КоАП

РФ органами внутренних дел. Возбуждение административного производства по таким основаниям возможно также и прокурором.

Несмотря на такой установленный федеральным законом правовой механизм обеспечения деятельности Уполномоченных посредством административного контроля регионы РФ устанавливают иной порядок.

Материалы и методы. В ходе исследования использовались сравнительный, логико-юридический и метод теоретико-правового описания, методы системного исследования и моделирования в праве. Применение указанных методов основывалось на их сочетании с логическими методами (индукцией, дедукцией, анализом, синтезом, гипотезой, аналогией).

Региональные практики. Федеральный закон от 18 марта 2020 г. № 48-ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» предусматривает обязанность должностных лиц содействовать деятельности регионального Уполномоченного, в том числе отвечать на его запросы. В этой связи вопрос об установлении административной ответственности за воспрепятствование деятельности регионального Уполномоченного (включая неисполнение его запросов) и, в особенности, о праве аппарата самостоятельно составлять протоколы об этих правонарушениях, решается на уровне регионального законодательства. Такое ведение по аналогии применяется и по другим видам региональных уполномоченных.

По результатам анализа региональных кодексов (законов) об административных правонарушениях выявлены следующие субъекты РФ (табл. 1), в которых аппараты уполномоченных наделены правом самостоятельно составлять протоколы за воспрепятствование деятельности уполномоченного (неисполнение запросов, неявка и др.).

Таблица 1
Table 1

Субъект РФ	Нормативный акт	Статья о протоколах	Состав правонарушения	Кто составляет протоколы
Краснодарский край	Закон № 608-КЗ	Ст. 12.2, ч. 1	Ст. 4.1, 4.5 (воспрепятствование деятельности уполномоченного)	Уполномоченный и должностные лица его аппарата
Астраханская область	Закон № 37/2016-ОЗ	Ст. 34, п. 2	Ст. 3, 4, 4.1 (воспрепятствование, неисполнение запросов)	Должностные лица аппарата (руководитель, начальник отдела, юристы и др.)
Волгоградская область	Закон № 1693-ОД	Ст. 2.9, ч. 3, п. 18	Статьи о воспрепятствовании деятельности уполномоченного	Должностные лица аппарата Уполномоченного
Ростовская область	Закон № 273-ЗС	Ст. 11.1, ч. 2, п. 5	Ст. 9.6 (воспрепятствование деятельности уполномоченного)	Уполномоченный и должностные лица аппарата
Пермский край	Закон № 460-ПК	Ст. 12.4, ч. 10	Ст. 11.4, 11.5 (воспрепятствование деятельности)	Руководитель аппарата, руководители структурных подразделений

Республика Татарстан	в ред. Закона РТ от 06.04.2023 N 24-ЗРТ	Ст. 8.1., ч/ 6	Ст. 2.3. (воспрепятствование, неисполнение запросов)	Уполномоченный
Республика Бурятия	в ред. Законов Республики Бурятия от 04.10.2022 N 2314-VI, от 26.11.2024 N 685-VII	п. 13, ч. 1, ст. 5	- об административных правонарушениях, предусмотренных статьями 76.2 и 76.6;	Государственные гражданские служащие Республики Бурятия высшей, главной, ведущей и старшей групп должностей категории «специалисты» уполномоченного исполнительного органа Республики Бурятия, обеспечивающего деятельность Уполномоченного по правам человека в Республике Бурятия, Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Республике Бурятия
Крым	в ред. Закона Республики Крым от 06.04.2021 N 170-ЗРК/2021)	П. 4 ст. 9.1.	Ст. 3.9. (воспрепятствование, неисполнение запросов)	Руководитель аппарата Уполномоченного по правам человека в Республике Крым, руководитель аппарата Уполномоченного по правам ребенка в Республике Крым, руководитель аппарата Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Республике Крым – об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 3.9 настоящего Закона (в пределах своей компетенции);
Республика Адыгея	В ред. Закона Республики Адыгея от 25.02.2010 N 322)	Ст. 18.1 – 18.2.1.	Вмешательство в деятельность Уполномоченного по правам человека в Республике Адыгея с целью повлиять на его решения, а равно воспрепятствование деятельности. Неисполнение обязанностей, предусмотренных законодательством РА об уполномоченных	Протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 18(1) настоящего Закона, составляются должностными лицами аппарата Уполномоченного по правам человека в Республике Адыгея, установленными Уполномоченным по правам человека в Республике Адыгея.

Во всех выявленных субъектах используется единообразная модель, т.к. региональный закон об административных правонарушениях одновременно устанавливает:

1. Состав правонарушения – воспрепятствование деятельности регионального уполномоченного (включая неисполнение законных требований и запросов, уклонение от предоставления информации, отказ в приеме, неявка для дачи объяснений и др.).

2. Наделение самого уполномоченного и его аппарата либо обеспечивающих его деятельность лиц правом составлять протоколы указывается в специальной статье о перечне должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы.

Административной ответственности по данным статьям подлежат, как правило, должностные лица государственных органов субъекта РФ и органов местного самоуправления, обязанные содействовать деятельности уполномоченного. При этом не исключается привлечение должностных лиц федеральных органов власти и учреждений, осуществляющих свою деятельность на территории субъекта РФ (за исключением особой категории лиц и органов, обладающих неприкосновенностью), к которым обратился Уполномоченный в рамках своей деятельности.

Во многом такой сложившейся ситуации, когда уполномоченные и их аппарат вынуждены осваивать в своих полномочиях административно-правовые меры и применять их для выявления административного правонарушения, способствует наблюдающаяся за последние пять лет тенденция к расширению юридической природы института Уполномоченного по правам человека и призывы к усилению статуса иных видов уполномоченных в целом [1, с. 25].

В отличие от других, только институт Уполномоченного по правам человека получил более детальное нормативно-правовое закрепление, используемое в этой связи в качестве аналога и для иных видов уполномоченных. Например, в постановлении Совета Федерации ФС РФ «О докладе деятельности Уполномоченного по правам человека за 2024 год» от 02.04.2025 г. №88-СФ в пункте 8 рекомендовано продолжить работу совместно с региональными органами государственной власти по укреплению института Уполномоченных по правам человека в субъектах РФ. Рекомендации сенаторам поддерживать и способствовать деятельности Уполномоченного проявилось повсеместным принятием в большинстве субъектов РФ отдельных составов за воспрепятствование и невыполнение его законных требований.

Как показал анализ законодательства об административных правонарушениях некоторых субъектов РФ, большинство из них передало полномочия по составлению протоколов аппарату уполномоченных либо самому уполномоченному. В меньшинстве с иным подходом оказалась Свердловская область: составление протокола за аналогичные деяния возложено на должностных лиц исполнительного органа государственной власти Свердловской области, реализующего государственную политику в сфере профилактики правонарушений (п. 15 ч. 1. ст. 42 Закона Свердловской области). Эта модель сохраняет правовую природу омбудсмена. Многие регионы если раньше составление протокола возлагали на другой орган исполнительной власти, то за последние 5 лет внесли изменения о наделении этим аппаратом уполномоченного. Например, в Республике Крым до внесения изменений в закон об административных правонарушениях полномочия по составлению протоколов за воспрепятствование деятельности уполномоченного были возложены на республиканский орган исполнительной власти, осуществляющий функции в сфере обеспечения бесплатной юридической помощи.

Составление протокола об административном правонарушении – это процессуальное действие в рамках административной юрисдикционной деятельности (глава 28 КоАП РФ). Субъект, составляющий протокол, является инициатором возбуждения административного дела и участвует в этом процессе. Традиционно такие полномочия принадлежат органам исполнительной власти, контрольно-надзорным органам, ОВД и полиции (ст. 28.3 КоАП РФ).

Согласно части 1 статьи 28.1 КоАП РФ поводом к возбуждению дела об административном правонарушении является непосредственное обнаружение должностными лицами, уполномоченными составлять протоколы об административных правонарушениях, достаточных данных, указывающих на наличие события административного правонарушения. На основании части 3 этой же статьи должностные лица, уполномоченные составлять административные протокола, наделены также правом возбудить дело об административном правонарушении.

Постановка проблемы. Наделение самого уполномоченного по правам человека либо его аппарата правом составления протокола о правонарушении формально наделяет институт омбудсмана элементом государственного принуждения – пусть и не с правом назначения наказания, но возбуждения административного производства. Это противоречит классической модели омбудсмана как института «мягкой силы», не имеющего властно-принудительных полномочий, включает его в систему административной юрисдикции, трансформирует его из экстраюрисдикционного института в непосредственного ведущего юрисдикционной процедуры.

Аргументы «за». В новейших доктринальных мнениях такая ситуация больше поддерживается, нежели чем подвергается критике. Так, ряд учёных-юристов обосновывает это следующими доводами:

1. Стремление регионального законодателя усилить эффективность института. М. Ю. Шамрин и Е. В. Мигачёва прямо указывают: «Более правильно было бы решить вопрос о наделении полномочиями по составлению протоколов самого уполномоченного по правам человека и руководителей его аппарата, как это сделано в ряде субъектов Российской Федерации и распространить такое регулирование на федеральном уровне» [2, с. 45]. При этом данные авторы считают, что составление протокола об административном правонарушении не превращает омбудсмана в карательный орган, поскольку составление протокола это всего лишь процессуальная фиксация правонарушения, а не мера наказания. Аналогичного мнения придерживается и Б.С. Галяутдинов: «Кодекс РФ об административных правонарушениях содержит статью 17.2 о воспрепятствовании деятельности уполномоченного по правам человека. Протоколы по таким административным делам составляются органами внутренних дел. Вместе с тем более правильно было бы решить вопрос о наделении полномочиями по составлению протоколов самого уполномоченного по правам человека и руководителей его аппарата, как это сделано в ряде субъектов Российской Федерации» [3, с. 41].

Встречаются также позиции о том, что одним из важнейших направлений усиления императивного статуса региональных уполномоченных является наделение их полномочием выносить обязательные для органов публичной власти решения в случае установления факта нарушения прав граждан, т.е. придать их заключениям обязательную юридическую силу. Поэтому предлагают внести в законодательство нормы для того, чтобы обязать, адресат обращения в течение конкретного срока рассмотреть его, принять меры и в письменной форме сообщить о результатах» [4, с. 190]. «Давно назрела необходимость решения вопро-

са о закреплении полномочия уполномоченного по правам человека принимать решения, обязательные для исполнения всеми государственными и муниципальными органами» [5, с. 230].

Как видим, по подобию других надзорных органов государственной власти, прокуратуры, например.

При этом многие ссылаются на мнение профессора С.А. Авакьян «...в силу ментальности населения институт общества, созданный законодательной властью и пытающийся влиять на деятельность исполнительной власти посредством пожеланий и рекомендаций, является нежизненным. Не приживаются на российской почве органы, не имеющие властных полномочий» [6, с. 6].

Г. В. Синцов и Д. Е. Феоктистов указывают: «в процессе своей работы омбудсмены могут встречать противодействие со стороны органов государственной власти, местного самоуправления, должностных лиц, их нежелание сотрудничать, например, путем непредоставления информации и документов, недопуска в помещение, отказа либо уклонения от приема соответствующим должностным лицом» [7, с. 167]. Высказываются даже мнения о том, что необходимо «наделить уполномоченного правом налагать штрафные санкции на должностных лиц, уклоняющихся от дачи необходимых объяснений или предоставления сведений по запросам» [8, с. 193].

Между тем, начиная с периода пандемии, в последующем СВО деятельность уполномоченных, особенно по правам человека, активизировалась, и стало очевидно, что органы государственной власти не справляются, что нужны более действенные и интенсивные методы работы, в том числе и с расширением принудительного аппарата. Таким образом, такому положению дел поспособствовала необходимость в усилении правозащитной деятельности.

2. *Устранение коллизий в интересах.* В настоящее время согласно статье 17.2 КоАП РФ протоколы правомочны составлять должностные лица ОВД. Некоторые ученые видят в этом противоречие в интересах. «На практике потенциально может возникнуть правоприменительная коллизия, поскольку подконтрольный омбудсмену орган уполномочен составлять протоколы о воспрепятствованию контролируемому органу и анализ жалоб на сотрудников ОВД уже стал составной частью ежегодных докладов Уполномоченного» [7, с. 167], «может возникнуть ситуация, когда должностные лица внутренних дел могут отказать уполномоченному в привлечении соответствующих лиц к ответственности, что опять может повлечь судебное обжалование данных бездействий. В обоих случаях будут тратиться ресурсы службы уполномоченного, которые и так по общему правилу ограничены и должны быть направлены на иные цели. Наделение аппарата правом составления протоколов устраняет зависимость омбудсмена от органа, который сам может быть объектом его контрольной деятельности» [2, с. 45].

Считается, что для более эффективной деятельности «уполномоченный по правам человека не должен, быть связан какими либо корпоративными (ведомственными) интересами с правоохранительными и иными органами исполнительной власти, иначе, это противоречит их независимости» [9].

3. *Статус уполномоченных преимущественно административно-правовой, нежели конституционно-правовой.* Поскольку реализация их полномочий в процедурном отношении характеризуется и относится к административно-правовому порядку (рассмотрение обращений, взаимодействие с другими органами власти, проведение проверок, принятие решений и т.д.) [10, с. 75]. Более того, некоторые виды уполномоченных, например, по

защите прав предпринимателей или КМНС созданы и функционируют при Главе региона, не парламента, их деятельность в виду отсутствия собственного аппарата обеспечивается силами органов исполнительной власти. Вместе с тем, это создает несоответствие вопросам их институциональной независимости.

На первый взгляд может показаться, что наделение аппарата и самих уполномоченных (как в других субъектах РФ) правом составлять протоколы как будто усиливает их авторитет, превращая в орган принудительного воздействия и субъекта возбуждения дела, инициатора и преследователя в рамках привлечения виновных лиц к юридической ответственности. Между тем, такая ситуация акцентирует внимание на их зависимость от других органов власти. Например, у уполномоченных, у которых нет своего аппарата, составление протоколов осуществляют обеспечивающие их деятельность должностные лица других органов исполнительной власти (часть 2 статьи 15.2 КоАП РС (Я)). Объединяя орган исполнительной власти с уполномоченным в вопросах составления протоколов об административном правонарушении, законодатель стирает границы между ними, что ставит под сомнение исполнение норм закона об их самостоятельности и независимости. Не входящий ни в одну из ветвей власти, независимый и самостоятельный, и считать этот институт при ком то, не совсем правильно, уполномоченный действует от собственного имени. «Омбудсмен не должен быть частью или структурным подразделением другого органа, т.к. это обеспечивает функциональную независимость, подразумевающую, что он должен осуществлять свою деятельность свободно, без какого либо вмешательства и давления» [11, с. 71].

Несмотря на то, что все четыре закона РС (Я) об уполномоченных указывают на их независимость, такое положение дел интегрирует их в систему органов исполнительной власти. По смыслу административного законодательства, т.е. при характеристике лиц из перечня тех, кто уполномочен составлять протоколы об административном правонарушении, большая часть принадлежит, безусловно, органам исполнительной власти. В этой связи представляется нужным наделить каждого уполномоченного своим аппаратом либо по аналогии с законодательством Бурятии обеспечить всем их видам единый аппарат.

Таким образом, как верно подмечено, «усилиями Т.Н. Москальковой существенным образом изменились подходы к правозащитной деятельности, когда омбудсмен встроен в общую систему государственного контроля и осуществляет совместную деятельность по защите прав и свобод человека с другими институтами и органами публичной власти на равных» [12, с. 112]. Следует полагать, что такой подход актуален сейчас и для других видов Уполномоченных, учитывая также, что в законодательстве пределы их деятельности в целом четко не установлены, также как и нет прямого запрета на составление уполномоченными и их аппаратами протокола об административном правонарушении.

Аргументы «против». Возражения по поводу наделения аппарата Уполномоченного правом составлять протоколы основываются на следующих доводах.

1. Размывание правовой природы института Уполномоченных в РФ. Безусловно, любой орган власти либо институт гражданского общества с развитием общественных отношений может существенным образом меняться в своем статусе, особенно, когда законодательство четко не указывает пределы их деятельности, как, например, в случае с уполномоченными. В этой связи сложно оценивать правомерность таких изменений и необходимость в этом.

Классическая модель омбудсмена предполагает, что его сила в авторитете, убедительности и публичности, а не в принудительных полномочиях. Как отмечается в научной литературе, «уполномоченные – это важный элемент правозащитной системы государства,

он не связан с применением насильственных мер в отношении должностных лиц, его воздействие на государственные органы и учреждения базируется на силе убеждения, гласности, авторитета, правового просвещения. Он достаточно экономичен, что способствует его учреждению на различных уровнях публичного властвования (федеральном, региональном, местном) [13, с. 43]. Аналогичного мнения придерживаются и другие ученые, которые считают, что «уполномоченный по правам человека в РФ и в субъектах РФ не обладают таким признаком органа государственной власти, как наличие в правовом статусе государственно-властных полномочий. Поскольку у них отсутствует важный признак для этого – обязательность актов уполномоченного для органов публичной власти и их должностных лиц» [14, с. 96], «вопрос оценки эффективности деятельности омбудсмена неопределен в силу отсутствия у него властных (административных) полномочий» [15, с. 128], «в своей деятельности государственный правозащитник вправе использовать только механизмы убеждения, призывать должностные лица не нарушать требования законодательства» [16, с. 113], «не согласимся с бытующей точкой зрения относительно целесообразности наделяния уполномоченных по правам человека правом вынесения решений, имеющих императивный характер. Если решения уполномоченного будут облечены в форму властного предписания, то будет изменена правовая природа его деятельности, которая, по сути, не будет отличаться от деятельности контрольно-надзорных органов. Тогда представляется очевидным, что делегирование прав может сопровождаться соответствующим объемом обязанностей административно-юрисдикционного характера, в итоге которых при таких изменениях будет утрачен концептуальный принцип независимости омбудсмена» [17, с. 138], «омбудсмен является по своей природе не только частью государственного аппарата, его можно рассматривать и как правовой институт гражданского общества. Он не является и не должен быть контролирующей и надзирающей инстанцией» [9].

Как видно из анализа доктринальных источников, доводы, возражающие против трансформации юридической природы института уполномоченных с т.н. мягкой силы в императивную с наделянием их принудительным началом в полномочиях строится на том, что такое не соответствует первоначальному замыслу их создания. Наделяние уполномоченных либо их аппарата правом составления протоколов об административном правонарушении может подорвать эту модель и размыть субсидиарную и экстраюрисдикционную суть его деятельности.

Если главный отличительный признак омбудсмена был в его функционировании «в рамках экстраюрисдикционных процедур», то наделяние аппарата правом составления протоколов формально выводит его за эти пределы и включает в юрисдикционный процесс. Поскольку вопросы рассмотрения обращений уполномоченных другими органами бланкетным путем разрешаются согласно нормами административного законодательства регионов и в целях защиты собственного же статуса ими получено право составлять протокола за бездействие либо оказание препятствия их деятельности. Тем самым правозащитный механизм омбудсменов предусматривает полномочия и из административной юрисдикции.

Как верно подмечено М.А. Кудрявцевым, «Уполномоченный по правам человека в России представляет собой классическую модель «слабого омбудсмена», не располагающего императивными полномочиями в отношении органов исполнительной власти и административными средствами воздействия на них. Сила воздействия и авторитет уполномоченного являются производными от личных качеств, авторитета и репутации конкретного лица, занимающего эту должность. Однако немаловажное значение имеет правовая куль-

тура органов и должностных лиц публично власти, их открытость и взаимодействие и сотрудничеству, готовность признавать допущенные ошибки и оперативно исправлять их» [18, с. 118].

К сожалению, состояние дел с правами человека в России еще далеко от идеала. Поэтому и высказываются предложения об усилении императивного элемента в деятельности уполномоченного, как вынужденные меры в этом направлении дополняется и законодательство.

В научных источниках также бытует мнение о том, что искажению истинной сути института омбудсмена во многом способствует их специализация, воспринимаемая некоторыми учеными как негативно излишняя.

«Тенденции трансформации классического института омбудсмена по пути специализации функций ведут к появлению новых элементов в статусе и в то же время способствуют размыванию его границ» [19, с. 62], «значительная обеспокоенность возможностью размывания самой должности уполномоченного по правам человека объясняется также попытками создания специализированных уполномоченных, что в итоге может дезорганизовать работу по защите прав и свобод граждан» [20, с. 76], «именно разнообразие и множественность субъектов и институтов официальной правозащиты порождают определенные проблемы в понимании их статуса. Особенно, когда возникают разные по полномочиям «парламентские» и «административные» омбудсмены. Как правило, административные омбудсмены назначаются Президентом РФ и главами регионов» [18, с. 120].

Таким образом, очевидно, что институт уполномоченных в РФ и субъектах как еще не до конца устоявшийся, все еще меняющийся нуждается в проведении научных исследований. Согласимся с тем, что «он еще не может быть признан эффективным органом по защите права и свобод человека и гражданина в виду неопределенности компетенции уполномоченного, что приводит к дублированию деятельности иных управомоченных государственных органов и должностных лиц, фактически отсутствует отечественный опыт функционирования подобного института [21, с. 96].

2. *Несоответствие федеральной модели.* Право субъектов РФ устанавливать перечень должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов, прямо закреплено в п. 6 ч. 1 ст. 1.3.1 КоАП РФ. Также ст. 17 ч. 6 ФЗ-48 «Об уполномоченных по правам человека в субъектах РФ» устанавливает, что воспрепятствование деятельности уполномоченного влечёт ответственность, установленную не только законодательством Российской Федерации, но и законодательством субъекта Российской Федерации.

Именно эта бланкетная норма предоставляет региональным законодателям правовое основание для регулирования. В этой связи, как мы выше указывали, большая часть из них право составления протокола за воспрепятствование деятельности уполномоченного возложила на самого уполномоченного либо его аппарат.

На федеральном уровне аналогичные протоколы (ст. 17.2 КоАП РФ) составляет орган внутренних дел, а не аппарат Уполномоченного. Согласно региональным КоАП возложение полномочий по составлению протокола об административном правонарушении на ОВД возможно по согласованию (путем заключения отдельного соглашения). Хотя, если аналогичное обстоятельство установлено федеральным законодательством такое соглашение вряд ли может быть подвергнуто сомнению и отказу от заключения.

Также можно увидеть противоречие логике ФЗ-48 от 18.03.2020 «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации». Статья 10 ч. 5 устанавливает: при обнаружении признаков административного правонарушения уполномоченный передаёт

материалы в соответствующие органы. Статья 11 п. 3 ч. 1 говорит об обращении с ходатайством о возбуждении дела. Обе нормы указывают на опосредованную, а не прямую роль уполномоченного в административном процессе как инициатора возбуждения производства. Поэтому не совсем понятна причина возложения на аппарат полномочия составлять протокол об административном правонарушении, если при аналогичных обстоятельствах установлены опосредованные, а не прямые действия при иницировании возбуждения дела. Получается, что при выявлении правонарушения, совершенного против них самих, аппарат либо сам уполномоченный (как в других субъектах) составляет об этом протокол сам, а при других случаях, обращается к уполномоченным органам. Таким образом, неравный подход к одинаковым ситуациям, возникающим в связи с совершением правонарушения, очевиден и при этом может возникнуть ситуация, подвергающая под сомнение вопрос о необъективности и заинтересованности потерпевшего в привлечении к ответственности.

Составление протокола означает иницирование преследования: протокол – это документ, который официально запускает административное преследование, то есть начало административного производства. Протокол является главным процессуальным документом, на основе которого суд или орган в дальнейшем накладывает наказание. Оформление протокола – процедура, регламентированная КоАП РФ, требующая соблюдения процессуальных прав, обязанностей, порядка, несоблюдение ведет к недопустимости доказательств (статья 28.2 КоАП РФ).

Составление протокола об административном правонарушении входит в стадию возбуждения дела об административном правонарушении. Это ключевой первичный процессуальный документ, который подтверждает, что производство по делу начато. Согласно КоАП РФ Статья 28.1, дело считается возбужденным именно с момента составления протокола.

Таким образом, вряд ли можно согласиться с теми авторами, которые считают, что составление протокола это всего лишь фиксация факта, не входящее в производство по делу об административном правонарушении [2]. Протокол в этом случае является основанием для возбуждения административного преследования, доказательством совершения правонарушения.

Отдельно протокол можно оспорить, если он составлен с грубыми нарушениями, препятствующими рассмотрению дела, через подачу возражений должностному лицу или в суд. Поэтому уполномоченный и его аппарат может стать субъектом административной юрисдикции еще и в случае несогласия с протоколом о совершении административного правонарушения как должностные лица, чьи решения могут быть оспорены, подвергнуты сомнению, обжалованию, что, безусловно, не стыкуется с их концептуальным значением только лишь как субсидиарного правозащитного органа. Должностные лица несут ответственность за правомерность и правильность оформления протокола об административном правонарушении, являющегося не только поводом, но и доказательством.

Таким образом, институт уполномоченных вынужден действовать не только как сторона, обвиняющая в нарушении, но и орган, чьи действия могут быть проверены, обжалованы, оспорены, соответственно, отвечающая сторона.

Некоторые считают, что аппарат уполномоченного является обособленным органом, поэтому может иметь иные полномочия. Между тем, аппарат никак не может иметь более широкие полномочия, чем сам уполномоченный. Аппарат является обслуживающим, рабочим органом, созданным для обеспечения деятельности омбудсмена, и его сотрудники действуют исключительно в пределах компетенции, определенной законом для самого уполномоченного.

В Республике Саха (Якутия) аппарат имеется только у Уполномоченного по правам человека.

Основные аспекты взаимоотношений уполномоченного и его аппарата заключаются в том, что:

- аппарат обеспечивает юридическое, организационное, аналитическое и иное обеспечение деятельности уполномоченного, основная цель его создания в этом;
- аппарата ограничен в полномочиях, т.к. сотрудники аппарата не могут принимать решения, которые не входят в компетенцию уполномоченного. Они лишь реализуют полномочия, делегированные им (например, прием жалоб, подготовка материалов).
- функции аппарата не могут выходить за пределы деятельности уполномоченного. Сотрудники аппарата могут собирать информацию, получать объяснения, проводить проверки, но всё это делается в рамках компетенции уполномоченного.

Таким образом, полномочия аппарата – это лишь инструмент реализации полномочий самого уполномоченного, а не самостоятельная власть, превышающая полномочия последнего.

Уполномоченных, не имеющих своего аппарата и деятельность которых обеспечивается силами органов исполнительной власти, исследуемая проблема может не коснуться до тех пор, пока составление протокола не будет возложено на самого уполномоченного как в других субъектах РФ (см. табл. 1).

3. *«Конфликт интересов»*. Уполномоченный (его аппарат) – это одновременно и потерпевшая сторона (именно его запросы игнорируются), и орган, возбуждающий дело. Если Уполномоченный по правам человека в РФ и субъектах это государственная должность, то его аппарат обладает признаками юридического лица и является таковым (часть 3 статьи 37 ФКЗ от 26.02.1997 N 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»). Согласно статье 25.2 КоАП РФ потерпевшим является и юридическое лицо. Такое совмещение противоречит принципу объективности административного производства.

Прямое совмещение в одном институте правозащитной функции и функции привлечения к административной ответственности противоречит основному предназначению уполномоченного как дополнительного внесудебного (экстраюрисдикционного) механизма защиты.

Более того, наложение на тот же орган, права и законные интересы которого нарушены противоправным деянием (действием или бездействием) права рассматривать это же самое правонарушение и выносить по нему решение противоречит принципам беспристрастности, объективности и независимости, может привести к недоверию. В соответствии с теорией состава правонарушения, получается, что объект правонарушения (непосредственный) и потерпевший наделяются полномочиями вести производство за правонарушение, совершенное против него же (по исследуемой норме закона речь идет именно об интересах, вытекающих из статуса уполномоченных, а не сферы тех общественных отношений, в реализации которых они вправе участвовать). Составление протокола об административном правонарушении является неотъемлемой частью производства по делу об административном правонарушении.

Заключение. Таким образом, подытоживая приведенные доводы, считаем нужным подчеркнуть:

- в системном толковании уполномоченный – это субсидиарный контрольный орган с элементами правозащитной деятельности во благо институтов гражданского общества, имеющий свои, не повторяющиеся с функциями других контрольных органов функции;

– наделение аппарата уполномоченного по правам человека правом составления протокола об административном правонарушении противоречит классической модели омбудсмена как института «мягкой силы», не имеющего властно-принудительных полномочий;

– омбудсмен – посредник между властью и гражданским обществом. Участие в административном производстве в качестве инициатора дела трансформирует его из посредника в сторону процесса, что может подорвать доверие к нему как к беспристрастному арбитру;

– институт уполномоченного становится прямым субъектом административной юрисдикции, соответственно обременен всеми процессуальными обязанностями, выступая одновременно как объект правонарушения и потерпевшая сторона. В том числе становится объектом контроля и возможно ответственности, в случае допущения нарушений в составлении протокола и процедуры, связанной с ним. Становится обвиняющей стороной, обязанной доказать достоверность события правонарушения и правомерность составления протокола, возбуждения дела. Совмещение в одном нескольких разных процессуальных и правовых функций приводит к искажению истинной сути деятельности государственного органа;

– институт уполномоченного отличался от других правоприменительных органов отсутствием права на применение мер принуждения и юридического преследования за совершенные правонарушения, права принимать обязательные для исполнения решения и акты. С наделением их правом составления протокола эти отличия размываются, что противоречит базовому федеральному подходу к статусу уполномоченных. Поскольку ФКЗ об Уполномоченном по правам человека в РФ (часть 3 статьи 1) и ФЗ № 48-ФЗ об уполномоченных в субъектах (часть 3 статьи 1) прямо исходят из того, что деятельность уполномоченного по правам человека дополняет имеющиеся средства защиты прав, не отменяет, не подменяет и не пересматривает компетенцию органов, обеспечивающих защиту и восстановление прав, и не наделяет уполномоченного прямыми полномочиями по привлечению к видам юридической ответственности за правонарушения;

– правонарушениями, их обнаружением, фиксированием, выяснением обстоятельств, причин и иных сведений, имеющих значение для возбуждения административного производства должен заниматься такой орган власти, который будет обладать необходимым для этого комплексом полномочий властно-принудительного, директивно-распорядительного характера. Поскольку основанием для этого является правонарушение, влекущее юридическую ответственность со всеми вытекающими из этого последствиями. Поэтому составление протокола об административном правонарушении – это не просто фиксация факта, это порядок и процедура, требования, установленные статьей 28.2 КоАП РФ. Аппарат уполномоченного такими признаками в полном объеме не обладает;

– в целях приведения в соответствие с назначением института Уполномоченного по правам человека следует пересмотреть нормы пункта 11 статьи 15.2. Кодекса РС (Я) об административных правонарушениях и передать составление протокола об административном правонарушении одному из профильных органов исполнительной власти субъекта (например, государственному комитету юстиции) либо ОВД.

Литература

1. Москалькова Т. Н. Институт Уполномоченных по правам человека: вчера, сегодня, завтра // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. №4 (80). С. 23-44.
2. Шамрин М.Ю., Мигачева Е.В. Институт уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 1 (134) январь. С. 41-48.

3. Галаяудинов Б.С. Правовая природа института Уполномоченного по правам человека (омбудсмена) в Российской Федерации // Вестник ПензГУ. 2014. №2 (6). С. 40-47.
4. Колобова Т. В. Разграничение административно-правового и конституционно-правового статуса Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. №3 (42). С. 184-191.
5. Богославский Е.А. Уполномоченный по правам человека как субъект государственного контроля и надзора // Вестник Адыгейского государственного служащего университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. №3 (163). С. 228-231.
6. Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Конституционное и муниципальное право. 2007. №8. С. 3-12.
7. Синцов Г.В., Феоктистов Д.Е. Вопросы административной ответственности за воспрепятствование деятельности уполномоченных по правам человека // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. №9 (61). С. 162-168.
8. Грудинин Н.С. Компаративистский анализ полномочий омбудсмена в Российской Федерации и зарубежных государствах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2018. №5 (813). С. 185-193.
9. Джамбулатов С.И. Место института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в системе органов государственной власти // Социально-политические науки. 2018. №1.
10. Колобова Т. В. Государственный контроль Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ: понятие, направления, полномочия // Вестник Национального исследовательского Нижегородского университета. 2020. №6. С. 74-80.
11. Кандан Ч.С. Институт Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации (на примере Республики Тыва) // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2017. №1. С. 68-76.
12. Мартынов А.В, Черников В.В. Государственный контроль как средство защиты прав и свобод человека и гражданина // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. №3. С. 104-116.
13. Малый А.Ф., Агишев Р.А. Комиссия и уполномоченный по правам человека как часть правозащитного механизма государства // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2019. №3 (51). С. 37-44.
14. Шутурова Х.М. Особенности компетенции уполномоченного по правам человека в субъектах РФ (на примере Юга России // Вестник Академии права и управления 2016 №1 (42). С. 93-96.
15. Зражевская Т. Д. Эффективность института уполномоченных по правам человека в субъектах РФ // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. №4 (80). С. 125-133.
16. Демидов М.В. Понятие института Уполномоченного по правам человека и его место в правозащитном механизме государства // Вестник Российского университета кооперации. 2019. №1 (35). С. 111-114.
17. Сабурская С. Х. К вопросу о потенциале уполномоченных по правам человека в субъектах РФ (с учетом опыта Республики Татарстан) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. №4 (80). С. 134-141.
18. Кудрявцев М.А. Институт парламентского уполномоченного по малому человеку в России: проблемы становления и развития // Труды Института государства и прав РАН. 2017. №3 (61). С. 101-123.
19. Ирбудагова Д. Ш., Дюкарева А. С. Институт Уполномоченного по правам человека как основная форма внесудебной защиты прав и свобод человека: российский и зарубежный опыт формирования // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2021. №4. С. 58-63.
20. Кулишенко Е. А. Специализация как способ трансформации функционирования института Уполномоченного по правам человека // Ex jure. 2021. №3. С. 71-83.
21. Кальгина А.А. Институт Уполномоченного по правам человека в РФ: состояние и перспективы развития // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. №3. С. 94-96.

References

1. Moskalkova TN. Institut Upolnomochennykh po pravam cheloveka: vchera, segodnya, zavtra [The Institution of Commissioners for Human Rights: yesterday, today, tomorrow]. Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2021;(4):23-44. (In Russ.).

2. Shamrin MYu, Migacheva EV. Institut upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii [The Institution of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation]. Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. 2022;17(1):41-48. (In Russ.).
3. Galyautdinov BS. Pravovaya priroda instituta Upolnomochennogo po pravam cheloveka (ombudsmana) v Rossiyskoy Federatsii [Legal nature of the institution of the Commissioner for Human Rights (Ombudsman) in the Russian Federation]. Vestnik PenzGU. 2014;(2):40-47. (In Russ.).
4. Kolobova TV. Razgranichenie administrativno-pravovogo i konstitutsionno-pravovogo statusa Upolnomochennogo po pravam cheloveka v sub»ekte RF [Differentiation of the administrative-legal and constitutional-legal status of the Commissioner for Human Rights in a constituent entity of the Russian Federation]. Vestnik VGU. Seriya: Pravo. 2020;(3):184-191. (In Russ.).
5. Bogoslavskiy EA. Upolnomochenny po pravam cheloveka kak sub»ekt gosudarstvennogo kontrolya i nadzora [The Commissioner for Human Rights as a subject of state control and supervision]. Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo sluzhashchego universiteta. Seriya: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. 2015;(3):228-231. (In Russ.).
6. Avak'yan SA. Probely i defekty v konstitutsionnom prave i puti ikh ustraneniya [Gaps and defects in constitutional law and ways to eliminate them]. Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo. 2007;(8):3-12. (In Russ.).
7. Sintsov GV, Feoktistov DE. Voprosy administrativnoy otvetstvennosti za vospreyatstvovanie deyatelnosti upolnomochennykh po pravam cheloveka [Issues of administrative liability for obstruction of the activities of commissioners for human rights]. Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2019;(9):162-168. (In Russ.).
8. Grudinin NS. Komparativistskiy analiz polnomochiy ombudsmena v Rossiyskoy Federatsii i zarubezhnykh gosudarstvakh [A comparative analysis of the ombudsman's powers in the Russian Federation and foreign states]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. 2018;(5):185-193. (In Russ.).
9. Dzhambulatov SI. Mesto instituta Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiyskoy Federatsii v sisteme organov gosudarstvennoy vlasti [The place of the institution of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation in the system of state authorities]. Sotsial'no-politicheskie nauki. 2018;(1). (In Russ.).
10. Kolobova TV. Gosudarstvennyy kontrol' Upolnomochennogo po pravam cheloveka v sub»ekte RF: ponyatie, napravleniya, polnomochiya [State control of the Commissioner for Human Rights in a constituent entity of the RF: concept, directions, powers]. Vestnik Natsional'nogo issledovatel'skogo Nizhegorodskogo universiteta. 2020;(6):74-80. (In Russ.).
11. Kandan ChS. Institut Upolnomochennogo po pravam cheloveka v sub»ekte Rossiyskoy Federatsii (na primere Respubliki Tyva) [The institution of the Commissioner for Human Rights in a constituent entity of the Russian Federation (on the example of the Republic of Tyva)]. Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. 2017;(1):68-76. (In Russ.).
12. Martynov AV, Chernikov VV. Gosudarstvennyy kontrol' kak sredstvo zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina [State control as a means of protecting human and civil rights and freedoms]. Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2025;(3):104-116. (In Russ.).
13. Malyy AF, Agishev RA. Komissiya i upolnomochenny po pravam cheloveka kak chast' pravozashchitnogo mekhanizma gosudarstva [The commission and the commissioner for human rights as part of the state's human rights protection mechanism]. Izvestiya VUZov. Povolzhskiy region. Obshchestvennye nauki. 2019;(3):37-44. (In Russ.).
14. Shuturova KhM. Osobennosti kompetentsii upolnomochennogo po pravam cheloveka v sub»ektakh RF (na primere Yuga Rossii) [Peculiarities of the competence of the commissioner for human rights in the constituent entities of the RF (on the example of the South of Russia)]. Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2016;(1):93-96. (In Russ.).
15. Zrazhevskaya TD. Effektivnost' instituta upolnomochennykh po pravam cheloveka v sub»ektakh RF [Effectiveness of the institution of commissioners for human rights in the constituent entities of the RF]. Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2021;(4):125-133. (In Russ.).
16. Demidov MV. Ponyatie instituta Upolnomochennogo po pravam cheloveka i ego mesto v pravozashchitnom mekhanizme gosudarstva [The concept of the institution of the Commissioner for Human Rights and its place in the state's human rights protection mechanism]. Vestnik Rossiyskogo universiteta kooperatsii. 2019;(1):111-114. (In Russ.).

17. Saburskaya SKh. K voprosu o potentsiale upolnomochennykh po pravam cheloveka v sub»ektakh RF (s uchetom opyta Respubliki Tatarstan) [On the potential of commissioners for human rights in the constituent entities of the RF (with regard to the experience of the Republic of Tatarstan)]. Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2021;(4):134-141. (In Russ.).

18. Kudryavtsev MA. Institut parlamentskogo upolnomochennogo po malomu cheloveku v Rossii: problemy stanovleniya i razvitiya [The institution of the parliamentary commissioner for the «little man» in Russia: problems of formation and development]. Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2017;(3):101-123. (In Russ.).

19. Irbudagova DSh, Dyukareva AS. Institut Upolnomochennogo po pravam cheloveka kak osnovnaya forma vnesudebnoy zashchity prav i svobod cheloveka: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt formirovaniya [The institution of the Commissioner for Human Rights as the main form of extrajudicial protection of human rights and freedoms: Russian and foreign experience of formation]. Yuridicheskiy vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021;(4):58-63. (In Russ.).

20. Kulishenko EA. Spetsializatsiya kak sposob transformatsii funktsionirovaniya instituta Upolnomochennogo po pravam cheloveka [Specialization as a way to transform the functioning of the institution of the Commissioner for Human Rights]. Ex iure. 2021;(3):71-83. (In Russ.).

21. Kal'gina AA. Institut Upolnomochennogo po pravam cheloveka v RF: sostoyanie i perspektivy razvitiya [The institution of the Commissioner for Human Rights in the RF: state and prospects of development]. Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. 2021;(3):94-96. (In Russ.).

Сведения об авторе

КОРЯКИНА Зинаида Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры «Уголовное право и процесс», Юридический факультет, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», Z_koryakina@mail.ru

About the author

KORYAKINA Zinaida Ivanovna – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process, North-Eastern Federal University, e-mail: Z_koryakina@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares that he has no conflict of interest/

Поступила в редакцию / Received 05.04.2026

Поступила после рецензирования/ Revised 10.05.2026

Принята к публикации / Accepted 26.05.2026